Глава 225. К истокам (часть 1)

Моя жизнь была богата на разные происшествия и, при тех или иных обстоятельствах, они могли бы стать даже интересной темой для разговора; хотя, вероятно, никогда не станут, потому что мой девиз: «Меньше знаешь, крепче спишь». Да и рассказчик из меня не очень. Но факт остаётся фактом: за прожитые годы я попадал в самые разные ситуации. Всё благодаря как специфике моей работы, так и решений, которые зачастую приходилось принимать на скорую руку.

Если же говорить об этих «происшествиях» в общем, то попадал я в них по-разному: иногда целенаправленно и осознанно, другой раз поневоле и случайно, а бывало и всё вместе, когда одно вытекало из другого и наоборот, формируя замкнутый круг.

Практически идеальный пример такого «замкнутого круга» можно было наблюдать последние месяцы моей тяжёлой работы и жизни. Однако, если делать общий вывод, то можно сказать, что в целом, несмотря на некоторые неопределённости, вся ситуация разрешилась вполне неплохо; хотя правильнее сказать даже не «ситуация», а «множество подситуаций», которые последовательно тянулись одна за другой, как уши зайца из волшебной шляпы.

Главное, всё закончилось в пределах ожидаемого и в то же время с хорошим подспорьем для будущих планов, которые я начал частично воплощать в жизнь. Не то, чтобы всё было идеально, ведь оставались кое-какие фрагменты, тянущиеся в мою сторону, но они были терпимыми. А может, если так подумать, и в какой-то степени выгодными. Ведь при правильном подходе могли сыграть только на руку и ещё сильнее запутать особо мнительных «искателей истины»: созданный клубок хоть и был сделан на скорою руку, но всё равно оставался результатом дотошных стараний, впитав в себя лучшее из образов «незначительности», «гнусности» и «скоропостижной кончины». Это был по-настоящему прекрасный клубок, которым можно было покорить сердце даже самой надменной кошки!

Безусловно, шанс «неблагоприятного» развития событий оставался всегда и зачастую был связан с появлением из какой-то щели особо приставучих «искателей истины», которых хлебом не корми вцепятся в тебя, как стервятники в падаль! И лучше бы подобного не случилось. Ведь если им повезёт, их домыслы воспримут как шутку, не имеющую ничего общего с реальностью. Если повезёт меньше — воспримут как помешательство, не имеющее ничего общего с реальностью. Если же «неудача» их второе имя — я всё ещё реален (привет, Джеймс Харрингтон).

◊ ◊ ◊

Шух.

Я встал с дивана, выпрямился и потянулся: хватит отлёживаться! Последние дни были и так чрезмерно сонными и ленивыми, состоящими из сплошных прокрастинации, подсматривания и подслушивания. Сейчас я был полон сил и энергии. Настолько, что ещё немного — и через край… Эх… А под рукой ни Ганца Йохансона, ни Лилит Бортэ — никого! Прискорбно… Очень прискорбно…

Я подошёл к столу и сел — знакомый ракурс: широкая полупустая комната. Что сказать, пришедший вместе со мной диван оказался очень даже кстати; и почему его сюда никто раньше не поставил? Верно говорят: мудрость приходит с годами, пусть и не всем.

Несмотря на, казалось бы, умиротворяющее спокойствие после сложившейся ситуации, а также на вполне успешный выход из уймы проблем, ко мне стала возвращаться лёгкая головная боль, ведь объём дел и количество предстоящей работы вызывали расстройство: мне придётся взять на себя часть обязанностей, хотя правильнее сказать, вернуть.

Я снова вздохнул: с появившейся головной болью острее стала и боль в теле. Закрыв глаза, я сделал несколько глубоких вдохов и собрался с мыслями, после чего открыл их, готовый приступить к работе.

Первым делом нужно было в принципе разобраться с перечнем имеющихся на данный момент дел и понять, какие из них являются безотлагательными, а с чем можно повременить. Разве что отдельным от остальных шёл пункт о «согласовании рабочих моментов» с Ипполитом Антоновичем, ведь успешное открытие «маленького бизнеса» было сейчас в приоритете. В целом, насколько мне было известно, наш уважаемый учёный вполне успешно организовывал производство и на данном этапе каких-либо серьёзных проблем не было. Разве что процесс полз как улитка, но оно было понятно — всё делалось официально, а кругом хватало лиц максимально незаинтересованных в конкурирующем бизнесе. Более того, проблем могло быть и куда больше, если бы для решения бóльшей части вопросов не использовались как старые, так и новых связи, беспрерывные денежные вливания и кое-какие «обходные» пути, заготовленные мною к этому моменту. Поэтому темпы были приемлемыми. Но всё же… Если так продолжится и дальше или того хуже скорость станет ещё медленнее, обстоятельства могут вынудить меня ускорить этот процесс другими доступными мне средствами, но прибегать к крайним мерам без веской причины не хотелось.

— Так-с… — я задумался. — Ускорить процесс…

Так сразу и не придумаешь.

— Ладно… — я вздохнул.

Как говорится, всему своё время, а раз нет настроя, да и дел хватает без этого «бизнеса», то для начала лучше начать с чего-то другого. Попроще. И чем это «попроще» будет проще, тем лучше.

Облокотившись на спинку стула, я ещё раз внимательно осмотрел комнату.

— Что ж…

Думаю, пришло время полностью разобраться с этим местом. Его я оставил напоследок: пора закончить то, что начал когда-то давно. Но перед этим: «Пик», — экран монитора загорелся, и я погрузился разгребать имеющийся хлам и «макулатуру», разросшуюся и сохранившуюся к этому времени в виде массивного объёма данных: обрывков, кратких упоминаний и заметок Хэя. Казалось, им нет конца и края; а первые выводы, которые напрашивались сами собой, просто кричали: «Нет ничего хуже, чем вникать в чужие записи!»

Мне пришлось разбирать, сверять и сопоставлять множество информации, — уровень морального насилия и психологического давления просто ужасный! Я погрузился во всё это дерьмо с головой.

◊ ◊ ◊

«Шантаж», «дискредитация», «провокация» — чаще; реже: «похищение», «устранение», «разрушение». Что сказать, во времена моей «молодости», перечень слов был максимально зеркальным. Но справедливости ради — тенденция к подобным переменам стала прослеживаться ещё при мне, а её основной причиной было не что иное, как «уровень доверия» заказчиков, который с каждым выполненным заданием рос.

Всё было вполне логично: доверить без веской причины неизвестно кому «тонкое» дело — решался далеко не каждый; а вот доверить какую-нибудь «грязь», ещё и предусмотрительно отведя от себя все подозрения и оборвав концы, — совершенно другой разговор. Хотя и здесь были свои особенности и нюансы: «ценного» клиента старились обслужить либо своими собственными силами, либо доверить надёжному и проверенному исполнителю. И снова же, здесь тоже были свои нюансы и, по разным причинам (спешка, финансовые проблемы, ограниченные возможности или желание полностью обезопасить себя и отвести подозрения), могли выйти и на кого-то совершенно левого. К таким исключениям можно справедливо отнести и наше «знакомство» с кланом Йотсуба, которое в конечном итоге вылилось в довольно длительное сотрудничество; и, вероятно, в лёгкое напряжение, а быть может и страх, учитывая, что им так и не удалось выйти на меня или тем более узнать мою настоящую личность.

При этом кому-то могло показаться, что клан Йотсуба уж очень сильно мне доверяет, вверив в мои руки столь деликатное дело как решение вопроса «проблемного отпрыска». Однако на деле всё обстояло не так прозаично. Подобного рода «личные» заказы — явление само по себе нечастое, тем более для такого «чернорабочего» как я. Заказ с отпрыском — исключение из всех исключений и, если задуматься, причина его появления проста. По своей сути это было

отчаянной мерой, вызванной с одной стороны сформировавшимся между нами доверием, а с другой, банально, — невозможностью использовать собственные силы. А беря во внимание все нюансы, можно предположить, что дело имело либо семейный (личный) характер, а значит, не противоречило интересам клана; либо семейный (общий) характер — напрямую влияло на него, т.е. возвращение отпрыска имело важное значение для клана. В противном случае я не вижу другой причины, почему в подобной ситуации они не попросили опекуна с отпрыском решить вопрос, не отходя от кассы: «Дорогие опекун и отпрыск! Посылаем вам это письмо по причине глубокого кризиса и с целью выполнить свой долг перед кланом, пожалуйста, самоубейтесь!»

Ладно, возможно, я слегка преувеличиваю… Самую малость… Но просидев за работой не один час, не было ничего удивительного, что мои мысли время от времени блуждали туда-сюда; ещё и вкупе с нахлынувшими воспоминаниями.

— К слову…

Мне на глаза попался последний заказ от клана Йотсуба, и это не тот, в котором была просьба решить вопрос с «проблемным отпрыском».

Глава 226. К истокам (часть 2)

Теперь последним заказом от клана Йотсуба была совершенно новая работа — текс, расписанный в мельчайших подробностях и состоящий из длинного вступления, чуть ли не целого сопроводительного письма, адресованного, можно сказать, непосредственно мне. Видимо, Хэй упоминал именно о нём — виляющем из стороны в сторону складно написанном червячке, который (и не в первые) был закинут перед самым моим носом: «А вдруг именно сейчас!», «А вдруг пришло время!», «А почему бы и нет?!», «Он точно клюнет!» — с надеждой, что я наконец-то стал умственно отсталым карасём.

— Что ж…

Я сказал Хэю игнорировать Йотсубу — правильное решение.

Их письмо попало к другим проигнорированным заказам — и правильно сделало, ему там самое место, среди другой «бесполезной» информации, объём которой, на самом деле, был довольно велик — причина проста: иной раз текст того или иного запроса поражал своей глупостью или несоответствию окружающей действительности, будто писавший был не от мира сего. Конечно, найти потерянного котёнка ещё никто ни разу не просил и, возможно, зря, но вот, например, украсть какую-нибудь безделушку, влюбить в себя порноактёра или, как вариант, «ограбить банк и отдать награбленное», — вполне; не говоря уже про уничтожение

целых кланов или убийство максимально неподходящих личностей, таких как Реган О'Лири или ему подобных; и нужно понимать, что пусть под этой «глупостью» в целом и подразумевается неспособность горе-заказчиков обеспечить достойную плату за выполнение своих недостойных желаний, временами желания были по-настоящему недостойными.

При этом все, кто делал подобные, да и другие запросы, старались всеми силами скрыть свою личность — способов было уйма: начиная длинной цепочкой посредников, заканчивая амулетом от злых сил. Правда, не смотря на все эти методы защиты, вычислить бóльшую часть подобных конспирологов мне всё же удавалось, пусть и до использования этой информации в своих целях руки не доходили. Да и марку нужно было держать. Хотя… Разочек… Может, разочек-другой… Дело всё-таки было. Но исключительно в благих целях! Вынужденная мера!

Вообще, если так задуматься, я бы сказал, что вычислять заказчиков было моим небольшим хобби, которое появилось на определённом этапе профессиональной деятельности: когда с одной стороны я уже немного набил руку, а с другой — в принципе дорос до понимания, что подобным заниматься можно и нужно. Знать подобных личностей в лицо, особенно в «специфичных» ситуациях, — вещь по-настоящему полезная, если не в корыстных целях, то как минимум для понимания общей атмосферы в мире, обстановки между фракциями, распределения сил, кто в конце концов крыса, а кто нет (не будет откровением сказать, что крыса время от времени — все).

Учитывая, что к своему увлечению я пришёл не сразу (стопка разного рода писем была объёмной уже тогда), сил и времени на полное удовлетворение своего хобби пришлось потратить немало: интерес и желание заставили меня в те чудные времена изучить все имеющиеся заказы с нуля, причём начиная с самого первого. По-моему, именно тогда мне и удалось соотнести несколько выполненных заданий с Йотсубой. Вспоминая свои ощущения… Кажется, это было одновременно сомнительно и приятно; но ещё более приятно было невзначай — прямо намекнуть им об их личности, заодно и проверить реакцию; а реакция не заставила себя ждать. Она была бурной: начиная с тщетных попыток собрать всю имеющуюся информацию на меня прямо у меня за спиной, заканчивая наглым и прямолинейным способом выудить всё прямо, вуалируя свои намерения «тесным сотрудничеством», «большими выгодами», и даже «непосредственным знакомством с ключевыми фигурами».

Наивно с их стороны, но именно эта реакция в конечном итоге избавила меня от сомнений — это были они; правда, собственные действия задели и меня самого: пришлось чаще обычного смотреть по сторонам. Как видите, в этой «схвате» победа всё ещё числится за мной, и отдавать первенство я пока не планирую: за этот длинный промежуток времени мне удалось избежать по-настоящему серьёзных ошибок и остаться в тени, чем мог похвастаться далеко не каждый. Другой раз я и сам задумывался: «Осознанно это было или нет?»

Когда я только-только ступил на путь «исполнителя чужих желаний», то не сильно задумывался о возможных последствиях или поимке. Не то, чтобы совсем не думал, скорее, очень быстро забывал: было не до них — нужно было двигаться вперёд. Однако, несмотря на это, старался вести себя максимально осторожно: то ли от мнительности, то ли интуитивно, то ли от недостатка опыта, то ли, наоборот, от его избытка, — но что бы это ни было, сейчас, оглядываясь назад и зная, как обстояли дела на самом деле, я могу с уверенностью сказать, что всё вышеперечисленное не было лишним. И пусть я лишился уймы прибыли или потенциальных клиентов, но, когда начинаешь ворошить прошлое и неожиданно видишь всё в

новом свете: начиная подставными заказами, заканчивая возможностью раскрыть свою личность или даже подставиться под прямой удар, — резко их обесцениваешь. Снова же, оглядываясь назад, иной раз диву даёшься, как, разбирая ту или иную ситуацию, где с неуверенностью или даже какой-то жадностью буквально интуитивно отказываешься от прибыльного и во всех смыслах безопасного заказа, потом, годами позже, узнаёшь, что заказчиками были подставные лица, какие-нибудь сотрудники госбезопасности во главе с одним-двумя или десятком Мировых Волшебников, а сопоставляя, делаешь вывод: «О, а ведь именно тогда были те массовые аресты и смерти…» — и с одной стороны испытываешь радость, а с другой — грусть: «Почему я снова упустил такое веселье?!»

Конечно, вся эта «грусть» — не более чем шуточное самобахвальство: осознание, как близко ты находишься «в шаге от» и лишь дело случая помогает избежать лишних хлопот или даже серьёзных проблем, заставляет задуматься о многом.

Не то, чтобы я был пессимистом, но как ни крути, маленький пессимист живёт в каждом из нас, даже во мне. Время от времени он даёт о себе знать. Давал знать тогда. Даёт знать и сейчас, когда, перебрав тонны информации, пришлось вспомнить столько старого, столько забытого, будто снова вернуться в те далёкие времена.

◊ ◊ ◊

Я просидел за работой довольно долго: несколько полных дней с небольшими перерывами, а «вернулся» в реальность только когда структурировал в голове бóльшую часть информации.

Я был сам. На часах 6 вечера.

Эрсель как ушла, так и не возвращалась; но была неподалёку, поэтому можно было сделать вывод: убегать или прятаться она не собиралась.

Я тут же связался с ней и попросил прийти: несмотря на уже проделанную работу, дел было ещё много. Например, нужно было уточнить всё о людях, которые «работали» вместе со мной, но в дела которых я особо не лез: после заключения с ними «трудового договора» во время разборок между Кудо и Морганами они перешли в полное распоряжение Хэя; но Хэй нас бросил, — вся надежда на Эрсель, которая худо-бедно переняла бразды «правления» в свои руки.

Вскоре послышался щелчок, а за ним…

Ду-дух! — резкий грохот: неожиданно Эрсель ворвалась в комнату! Причём ворвалась вместе с

дверью!

Казалось, она хотела тихонько прошмыгнуть в образовавшуюся щель, но… В самый последний момент её рукав зацепился о ручку и, с ловкостью старого борова, она покосилась набок, вылетела вперёд и упала вместе с распахнувшейся дверью. Волосы растрепались, а пол издал треск.

Не открывая рта, я глубоко вздохнул, затем, выдержав паузу, сказал:

— Проходи, садись, не падай.

— Иду, — послышался бодрый ответ.

Девушка подорвалась, вернула дверь на место и секундой позже упала напротив, при этом чуть не уронив какую-то приблуду с края стола, которую, видимо, сама же и поставила, когда стала полноправной хозяйкой комнаты.

— Всё хорошо? — спросил я.

— Давно я тебя не видела за этим местом!

— И правда, но давай потом: у нас с тобой ещё много…

— Прям ностальгия!

— Как скажешь.

— И выражение — такое же серьёзное, как и раньше!

— Обычное.

— Точно, обычное, хотя… Ммм… Чего-то не хватает… Ммм… Дай подумать… Точно! Раньше ты не казался таким мелким, ха-ха-ха…

Я поднял голову, сузив глаза.

— По-моему, «мелкий» — последнее слово, которым меня можно охарактеризовать.

— Та ладно, мелкий! — отмахнулась Эрсель. — Ещё немного и я тебе в матери гожусь. Слушайся мать, сын!

Я вздохнул: надежды бессмысленны, когда что-то делается настолько намеренно.

Глава 227. К истокам (часть 3)

— Странно… — задумался я, глядя на Эрсель. — По голове я тебя, вроде, не бил…

— Бил! Пару раз, когда я сломала какую-то безделушку.

— «Безделушку»? Вряд ли. Да и битьём тот случай не назовёшь. Так, один-другой подзатыльник. Хотя… — я осмотрелся и перевёл взгляд на новенький диван. — Я наконец-то вспомнил, почему пришлось сделать эту комнату такой пустой.

— Та ничего я с ним не сделаю! — тут же парировала Эрсель. — Тем более он мягкий!

— Главное, сама не поранься…

— За кого ты меня держишь? Я баба прожжённая, не поранюсь! Это ты не поранься, малыш!

— Ты-то? Баба? Прожжённая? Если я малыш, то ты слюнявый младенец, застрявший в личине взрослого. Так, — я выдвинул ящик стола, — где твоя соска? Где соска?! Что?! Почему ты не вернула её на место. Чем мне теперь заткнуть твой рваный рот?!

— Фе, это мерзко и не смешно! Слышишь, мерзко! И вообще — я требую к себе уважения!

— Ммм, уважения… — я задумался и оценивающе осмотрел сидящую напротив девушку. — Уважения значит… Какое к чёрту уважение?! Слюни подбери! Твоё место в стойле для скота, а не уважение. Ты противный трутень, который забыл своё место! И если ты думаешь…

— Ха! Не интересно. Или… Ты мечтал, что я обижусь? Я-то? Ха-ха. Да я на сто шагов вперёд знаю, как именно ты себя поведёшь. Как я и сказала, я — прожжённая! И, видимо, — лицо Эрсель расплылось в самодовольной улыбке, а тело — на стуле, — из нас двоих выросла только я!

— Поменьше спеси, а то лопнешь от её переизбытка и потом не отмоешь комнату; как и не отмоешь добела чёрного кобеля.

— Опять умничаешь?

— Нет. Если бы я умничал, сделал бы ремарку, что в твоём случае правильнее говорить «суку».

— Сам ты кобель и сука, причём в одном лице! Могу то же самое сказать и о тебе — такого как ты только могила исправит!

— Ошибаешься, — я повернулся боком, показывая спину. — Разве я горбатый? Нет. А ты — невежественная псина, и это факт. При этом…

— Сам ты… Ух!.. — я задавил невежественную псину магией.

Повысив голос, я продолжил:

— При этом нам с тобой нужно будет вместе работать, и если ты думаешь отлынивать, то нет! Отлынивать — моя прерогатива! Отлынивать здесь буду только я! Я! Не ты! Я не Хэй, чтобы церемониться с тобой!

— Нечестно! — лопнула Эрсель. — Ты подлый!! Гнилой человек!! К тому же — стол твой! Комната и всё остальное — тоже твоё! Заправляешь всем…

— Хватит! Не пытайся копировать Хэя. У тебя это плохо получается! Не говоря уже о том, что даже если захочешь уйти, — я тебя не отпущу!

— Почему это?! Его послал, вот и меня пошли! Делов-то?! Да и какая разница — никто не справится лучше тебя!

— Во-первых, он справлялся лучше. Ты тоже справишь и тоже будешь лучше! Во-вторых, ты не он — тебя я не отпущу, не говоря уже о том, чтобы послать!

— Ха?! Прискорбно!

Я поднялся, обошёл стол, встал позади Эрсель и положил руки ей на плечи.

— Эрсель, — я сделал подзатыльник.

— Ауч! Чего тебе?!

— Прости, если уделял тебе мало внимая в последнее время…

— В последнее время?! В последнее время?!! Десять лет — не последнее время!

— Ты утрируешь…

— Нет! Я округляю! Причём в меньшую сторону!

— Неужели? Ну… Всё может быть, — я опустился и приобнял её сзади. — Тогда прости дважды…

— И сто-дважды будет мало!

— Не капризничай…

— И ты это называешь «капризничать»?!

— Да. Как ты и сказала, ты баба прожжённая, поэтому не капризничай. К тому же… — я вытянул голову и посмотрел ей в глаза. — Мы оба знаем, что, когда ты повзрослела, тебе стало некомфортно со мной находиться. Если «психологическую» проблему моего «внешнего вида» с другими людьми можно было спокойно решить грубыми методами, то с тобой всё было иначе. И пусть ты до сих пор злишься и считаешь, что я отдалился от тебя, ты упускаешь из виду один важный момент: не отдались я тогда и оставь всё как есть, сейчас бы мы стали ещё дальше друг от друга.

— Опять умничаешь?

— Нет, — я улыбнулся. — Теперь, когда ты имеешь твёрдый разум и крепкий нрав, пусть время от времени и валяешь дурака…

— Кто валяет?!

— …общаться нам с тобой будет куда проще, и мы сможем даже хорошо сработаться. Хотя… Мы и так сработались. Поверь, я искренне восхищён ходом твоих мыслей и действиями той ночью. Без сучка, без задоринки. Ты выросла. По-настоящему выросла. И я рад, что мне посчастливилось внести лепту в твой рост, пусть на определённом этапе нам и пришлось свести к минимуму наше общение…

— Не «нам», а «тебе»! И не «свести», а «бросить»! И не «общение», а меня! Понял?! И ещё — твои слова были бы мёдом для ушей, если бы ты не продолжал давить на меня своей магией! И, поверь, как только я превзойду тебя в этом аспекте — мало не покажется! Станешь моим безвольным плюшевым мишкой! Развей уже!

— Развеять? Чтобы ты тут всё сломала?

— Ничего я не сломаю!

— Честно?

— Да!

— Честно-честно?

— Сказала же — да!

— Ладно, — вернув свою голову на место и потрепав Эрсель по волосам, я ослабил кварки.

Девушка дёрнулась, размяла плечи. Затем запрокинула голову, чтобы с улыбкой посмотреть на меня:

— Вот видишь, — она показательно вытянула руку в сторону, — я ничего не сломала, — диван, как ледяное изваяние, стал таять на глазах; казалось, он одновременно тлел каждой своей частичкой, отчего быстро проседал, обваливался и сжимался, пока от него не осталась одна лишь пыль.

— Неплохо, — кивнул я. — Будем считать, что это достойна плата за то, что вырубил тебя…

— Что?! И близко не достойная! К тому же, ты так и не ответил какого £¥®$# лезешь на рожон!

— Успокойся, — я погладил Эрсель по голове, собрал растрёпанные волосы и скрепил их тонкой синтезированной цепочкой. — Так-то лучше.

— Лучше?! Ты никогда не умел нормально заплетать волосы! А про то, что твои «заколки» можно открыть только с помощью молотка и зубила, я вообще молчу!

— Хе-хе, то было раньше.

— Ты наконец-то сделал застёжку? — спросила Эрсель и потянула руку, чтобы пощупать.

— Ещё чего! — я шлёпнул её по руке и засмеялся. — Теперь у тебя нет проблем с магией, так что молоток и зубило тебе не понадобятся.

Эрсель фыркнула, встала, пнула в плечо, затем сказала:

— Подлый гнилой человек! Но… — она вцепилась в руку, которую только что неслабо пнула. — Хе-хе-хе… Мы снова будем работать вместе — так что ладно! Хе-хе-хе…

— Смех какой-то зловещий, да и ты только что хотела всё бросить и уйти. Передумала?

— А кто сказал, что хотела?! — «удивилась» Эрсель. — Смотрю, — она «жалостливо» покачала головой, — внешний вид обманчив и маразм крепчает…

— И то верно, — я снова погладил её по голове. — Крепчает и очень сильно, но не переживай, мы тебя вылечим, ауч. А теперь к делу, — я стал серьёзнее. — Ты должна понимать, что твои беззаботные дни закончились.

— Да ладно, я и раньше вкалывала как папа Карло! Хочешь из меня вообще раба сделать?!

— Нет. Рабу нужно указывать и заставлять, а ты всё будешь делать сама и добровольно.

— Я? Сама?! Тебе самому не смешно?

— Ни капли. Итак. Везде, где это возможно, я буду тебе помогать, а также учитывать твоё мнение во всех вопросах. Однако, Эрсель, терпеть твои капризы и выходки с этого момента я не стану, особенно там, где это непозволительно.

— Совсем?

— Совсем.

— Совсем-совсем?!

— Эрсель, — я посмотрел ей в глаза. — Сейчас мне нужна не просто ты, а ты, которая сможет самостоятельно принимать решения и выполнять работу. Со своей стороны я сделаю всё возможное, чтобы помочь тебе с этим. При этом мне не нужен новый Хэй. Мне нужна Эрсель — такая, какая она есть. Самобытная.

— Ммм… Самобытная… Это просто! Вот если бы ты решил слепить из меня Хэя…

— Мир не выдержит двух Хэев и расплющится в смятку. Поэтому нет.

— О как~ не выдержит~ — перекривляла Эрсель.

Пока она отвлеклась и ослабила хватку, я вырвался из её цепких лап и пошёл к месту, где совсем недавно стоял диван.

Глава 228. К истокам (часть 4)

— Эй! — возмутилась Эрсель. — Не вырывайся! Что ты делаешь?

— Я собираюсь проститься с некогда прекрасной вещью, а также убрать остатки пыли, хотя, знаешь… — сказал я и активировал Синтез Воды. — Здесь грязно, поэтому мне захотелось вымыть всю комнату, заодно и выкинуть весь имеющийся хлам, который мозолит глаза.

Секундой позже под крики: «Стой! Только не это!» — я принялся за дело.

◊ ◊ ◊

Много времени на уборку не понадобилось. Дело плёвое, разве что трудности возникли на этапе выброса разного хлама, среди которого неожиданно оказались вещи вселенского значения:

— Это не мусор!

— Это не трожь!

— Отдай, это моё!!

— Нет! Я им ещё даже не воспользовалась!

— Ты хоть знаешь сколько это стоит?!

…

И всё в таком духе, неожиданно даже открылась «страшная» правда:

— …И вообще, это мой кабинет! Так что оставь всё как есть! Я сама разберусь, что и куда мне девать!

— Без проблем, — только и мог согласиться я, даже не думая упрекать Эрсель в очередном за этот вечер переобувании.

Закончив с ней спорить, я осмотрелся вокруг: не пропустил ли чего? — и, удовлетворившись, что всё хорошо, подытожил:

— Уже лучше. Оставшиеся три комнаты на тебе. Сама их уберёшь.

— В смысле?! Там же кроме пыли и вашего с Хэем барахла ничего нет?! Или ты собираешься сюда кого-то ещё привести?

— Во-первых, не «барахло», а практически «история этого места». Во-вторых, никого я приводить не буду. У кого надо есть своё место для работы, за которым ты, как я надеюсь, следишь…

— Слежу!

— …а знать каждой второй собаке об этом месте не нужно. В…

— В смысле?! А я знаю, хоть и псина! Невежественная причём!

— Помолчи, псина. Так вот — о чём я? — да, точно, последнее: пусть других собак, конечно же, кроме тебя, ауч, здесь и не будет, но раз ты говоришь, что эта комната твоя, то одну из других займу временно я.

— Ты что, ещё и постоянно околачиваться здесь будешь?! Хочешь совсем мне житья не давать?! Я уже говорила о личном пространстве?!

— Так удобнее и не постоянно. А ещё, да, говорила, именно поэтому я подумал о тебе и буду в другой комнате, а не здесь.

— Подумал? Да ты только что это придумал!

— Думай как хочешь. Поэтому наведёшь порядок.

— Только и делаешь, что эксплуатируешь меня! И что мне прикажешь делать с вашим «историческим» барахлом, которого там целые кучи? Как говорится, никто лучше не справится с мусором, чем хозяин этого мусора, поэтому давай…

— Избавься от всего.

— Что?

— Избавься от всего.

— Нет. Я это услышала. В каком смысле избавиться?

— В прямом.

— Что? Ты что, обиделся, что я назвала барахло мусором?! Прости!

Я скривился:

— Причём здесь это? Ты меня за ребёнка держишь или что?

— Ну, ты и правда похож на ребёнка, хе-хе, но я не об этом.

— Эрсель, посмотри мне в глаза. Видишь? Да, я закатил их. Ты заставляешь меня закатывать глаза. Довольна? Надеюсь, довольна. Теперь к сути, старые вещи больше не понадобятся. Сейчас, как я и сказал, они представляют лишь «историческую» ценность и в данном случае это минус, а не плюс. Они хранят в себе слишком много ненужной информации. Как об этом месте, так и о людях. Ясно?

— Тогда почему сейчас, а не десять лет назад?

— Тебе нравится число десять или что? Очевидно, потому что многое изменилось и продолжает меняться. К тому же, после недавней ночи, где мне пришлось потратить немало сил, ресурсов и времени, чтобы изменить или подчистить хвосты, игнорировать старые вопросы или вещи — верх идиотизма. За последние дни я избавился от всего, до чего только можно дотянуться. Разве что руки до этого места дошли в последнюю очередь, но это не значит, что сейчас они ни с того ни с сего опустятся, не завершив начатое.

— Всё… настолько серьёзно?.. — Эрсель начала лучше понимать всё происходящее.

— Сама решай насколько. Именно поэтому мы с тобой, хотя нет, по большей части ты сама избавишься от всего «старого». И говоря «всего», я имею в виду не только материальные вещи как «мусор», хранящийся здесь, но и подразумеваю всю организацию «Ферзь» в целом: как название, придуманное на скорую руку, так и всё её существование, которое тоже было создано на скорую руку.

— Не слишком ли это… — промямлила и запнулась Эрсель.

Я её приобнял, взял за подбородок и повернул к себе.

— Тебе лишь кажется, что слишком. Сказывается недостаток опыта, но это нормально. Тем более, я всегда буду под рукой для помощи, как и ты — чтобы помочь мне. Медленно, но уверенно, твоя часть работы трансформируется и встанет на «кристальные» рельсы, полностью отделившись от «теневого мира». Подконтрольные организации тоже частично трансформируются, став более комплексными и организованными, учитывая, что неформальное ядро в виде «Ферзя» исчезнет.

— Значит, фактически хочешь разорвать связь и сохранить влияние.

— Можно и так сказать.

— Получается, контроль над организациями возьмёшь ты?

— И да, и нет. Только в первое время. И правильнее сказать не «возьму», а «проконтролирую реструктуризацию». Ты мне с этим поможешь — уточнишь детали о людях и нюансы, с которыми я могу быть незнаком.

— Ты и «незнаком»? Не смеши.

— Лучше перестраховаться. Всего учесть нельзя. Поэтому твоя помощь, как и знания, переданные Хэем, лишними не будут. Как я и сказал, контроль будет временным и лишь частичным. Там и без нас хватает властных акул.

— Даже так?! Тогда, почему ты ничего не сказал Хэю?

— Всё, что нужно знать, я ему сказал, поэтому не понимаю, о чём ты говоришь, — я пожал плечами.

— Всё-то ты понимаешь! — сказала Эрсель и пнула кулаком в мою грудь. — Но всё же… Ты уверен, что сможешь в таких условиях их удержать? Власть развращает, и кто-то рано или поздно захочет бóльшего и взбунтуется.

— О, я буду иметь в виду. Спасибо за твои предостережения. Чтобы я без тебя делал?

— Поменьше сарказма! — она снова пнула меня своей маленькой ручонкой.

— Это не сарказм, а искренние чувства.

— Вот не надо! — она снова замахнулась, но я поймал и остановил летевший кулак.

— Как и сказал, это не сарказм, и у тебя холодные руки, давай согрею…

— Да щас! — она отпрянула в сторону. — Свои грей!

— Мои и так тёплые. Как хочешь. Главное, общую суть ты уловила. По ходу де́ла ещё обсудим нюансы. И ещё, — я указал в сторону стола. — Я уточнил всю информацию, сохранившуюся на сегодняшний день.

— Ого, мне Хэй её показывал, но я стараюсь лишний раз даже не думать о её существовании, чтобы не умереть от головной боли.

— Зря. Но ладно. Во-первых, для начала, как будет время, уточни, нет ли новый заказов, направленных лично нам. Но просто уточни, за работу браться не нужно, как и соглашаться на выполнение. Больше мы этим заниматься не будем.

— Хорошо.

— Во-вторых, — я снова указал в сторону стола, — у тебя около недели, чтобы ознакомиться с информацией, которую я для тебя выделил. После этого всё отправится вслед за остальным «мусором».

— Там много?

— Достаточно.

— Печально…

— В-третьих, до завтра разбери оставшиеся комнаты. Весь мусор уничтожь с концами: испепели, сотри — делай, что хочешь, но избавься.

— До завтра?! Скажи честно, ты просто мстишь мне за диван?!

— Я бы не стал.

— Стал!

— Ммм, давай так, если ты всё сделаешь, то на днях я организую праздничный стол где-нибудь в хорошем месте?

— Я что, похожа на дуру? Ты мне ещё мороженое предложи!

— О! Оно, несомненно, будет в качестве десерта на праздничном столе! Ты и правда читаешь меня как открытую книгу!

— Ты!

— Ну всё, я пошёл! Успехов и до завтра!

— Ты подлый гнилой человек!!

— Я тоже тебя люблю! Пока-пока.

Глава 229. К истокам (часть 5)

Всё шумело. Всё металось.

Не смотря на масштабы сражения и последовавшее вслед за ним напряжение, Батор, как и все остальные города Монголии, продолжал жить своей жизнью, а люди — заниматься повседневными делами. При этом, казалось, что пока я находился в недолгом затворничестве количество патрулирующих флаймов и слившихся с серой массой «правоохранителей» стало ещё больше, будто процесс их почкования не прекращался ни на минуту. Вероятно, их ряды пополнили члены разных приближённых кланов, хотя это не точно и нужно перепроверять. Пока что я просто высказывал самый правдоподобный вариант, опираясь на общие знания, не более. Но даже если ошибаюсь — не страшно: всё это не имело ко мне никакого отношения, потому что сборная солянка из правоохранителей и прочей нечисти существовала в своей «плоскости», в то время как я — в своей; и, как бы этому месиву не хотелось, но пересекаться между собой эти плоскости не будут.

Могу лишь подытожить, что, во-первых, вся эта стряпня из разных испорченных продуктов бурлила и дымила не без цели — она была готова в любой момент среагировать на любое волнение. Во-вторых, раз она бурлила так сильно — мои действия разворошили далеко не одно и далеко не самое маленькое осиное гнездо, как обозлив, так и напугав обитающих в нём тварей, — в пределах ожидаемого, учитывая, что за последний год мой Храм Пустоты нарушил нормальную проходимость в их дырявых брюхах.

Ещё одно наблюдение, которое можно было сделать, исследуя обстановку, — это пассивность сборной солянки. Всё верно, пассивность, пусть и звучит противоречиво, учитывая, что количество ингредиентов на 1 см2 стало больше, чем сельди в бочке. Людей не просто не трогали, а скорее — обходили стороной, как опасного зверя. Видимо, делали всё возможное, чтобы не светиться, что сильно контрастировало с первой неделей.

Так дела и обстояли. Хотя, впрочем, всё это быстро вылетело у меня из головы, как только я ступил на порог дома. Не успел я зайти и закрыть входную дверь как первым делом с невероятной скоростью и блаженством стянул с себя весь маскарадный костюм и утонул в душе, дабы смыть всю усталость и лёгкую боль, всё ещё напоминавшую о людях Регана О'Лири. Хотя в сравнении с тем, что было раньше, сегодня мои раны практически полностью затянулись. Думаю, через неделю-другую про них вообще можно будет забыть, потому что от них не останется ни следа. Хотя стоит уточнить, что без магического и лекарственного вмешательства обойтись не удалось, а сам «оздоровительный» курс всё ещё продолжался. Возможно, другой раз можно было и не заморачиваться так сильно, но не в этот: пройдя хоть раз через нежные руки того умирающего мясника, а потом выйдя как ни в чём не бывало в белый свет, — у любого нормального человека к твоим травмам возникнет неподдельный интерес, а учитывая оригинальный стиль художника, это может привести к серьёзным проблемам. Отчасти это стало одной из причин, почему пришлось остановиться именно на образе «немолодого бомжеватого мужичка».

Закончив приводить в порядок своё тело — я взялся навести порядок во всём доме, пустующем пару недель к ряду и которому неслабо досталось от Хэя в моё отсутствие.

На всё про всё потребовалось чуть больше полутора часа, причём основная часть времени ушла не на уборку, а на починку дверей и других мелких повреждений, оставленных после себя двумя тайфунами в разное время.

Наконец, покончив со всем и удовлетворившись полученным результатом, я без задней мысли лёг спать.

◊ ◊ ◊

(От 3 лица)

Выпав из реальности на добрых несколько дней, Мишель Лири старалась быстро «наверстать упущенное» и привести себя в порядок, правда, получалось у неё это не очень.

Ей было очень «нехорошо», и она уже сама не могла понять: почему ей так больно; почему так одиноко; почему она реагирует так по-детски?

Разве подобного рода «потрясения» не закалили её тело и дух? Разве она уже не встречалась с чем-то подобным? Разве она была не готова к подобному?

Даже если ответ и лежал на поверхности, он ускользал от неё как что-то эфемерное, за которое

невозможно схватиться сколько не пытайся.

«Напарничек…»

Иногда ей казалось, что всё дело в нём, нет, в них — чите Гауфов. Вероятно, ситуация с ними поразила Мишель Лири практически так же сильно, как и последние события, окончившиеся смертью Ганца Йохансона и Лилит Бортэ.

Несмотря на то, что Мишель Лири и чета Гауфов вполне поняли друг друга, не оставив ни одного намёка на недопонимание, девушке всё равно казалось, будто этот тонкий согревающий её лучик в лице мужа и жены оборвался так же, как и множество других вещей и людей в её жизни. Казалось, что их отношения вот-вот превратятся в далёкий сон, который рассыпится сразу после «пробуждения». А проснувшись — она останется совсем одна.

Иной раз Мишель Лири и сама не понимала, а правильно ли она поняла смысл сказанных Гауфами в тот день слов?

Мог ли он на самом деле просто устать и бросить всё, передав свои обязанности в этом запутанном деле другим людям? Могла ли его «настоящая» причина быть не причиной, а, наоборот, следствием, — способом оправдать своё решение «всё бросить»?

«Настоящая причина…» — не единожды задумывалась девушка.

Для Мишель Лири эта «настоящая» причина была, как ведро холодной воды, приводящее в чувство; как тонкая рапира, пронзающая это «чувство» насквозь; и в то же время как одурманивающее вещество, дарующее сладкое наслаждение от боли — от этого «пронзания».

Мишель Лири всё больше и больше казалось, что она не понимает саму себя, своих истинных чувств и желаний.

Или понимает?

«Настоящая» причина…

Осознание этой «настоящей» причины согревающим теплом распространялось по всему телу девушки. При этом, в противовес сказанному, эта причина, как терпкий плод, вызывала оскомину. Растягивала всё тело в стороны в попытках разорвать его на мелкие кусочки.

«Но так ли реальна «настоящая» причина? Так ли страшен этот чёрт?» — задавалась вопросом девушка.

Она сомневалась. Боялась. Не могло ли всё оказаться успешной попыткой сыграть на её

чувствах, дать надежду, найти оправдания своим действиям? Глубоко внутри она знала: кто-кто, но Станислав Гауф не поступил бы так с ней, — но всё равно время от времени испытывала предательское чувство неверия.

И всё же… Будь здесь и сейчас «старая» Мишель Лири, она бы ни капли не удивилась, что кто-то решил с корыстными целями сблизиться и использовать её. Она встречала примеры и более разительных перемен в рамках одного человека, особенно в ситуациях, когда прижимала к стенке других людей в ходе своих расследований.

Однако подобного рода разительные перемены в одном конкретном «человеке»… Как и сказал Станислав Гауф: «Пока я не увидел запись допроса воочию…»

Мишель Лири тоже видела эту запись, точнее — эта запись была финальным контраргументом Станислава Гауфа на всевозможные вопросы и неверие девушки в его убеждениях; а вопросов со стороны бывшей напарницы было немало.

Но та запись…

На самом деле Мишель Лири была готова с лёгкостью поверить во всё записанное и сказанное в ней. Как и принять всю «правду», всё происходящее там. Причём была готова без малейшей задней мысли или скепсиса. Быть может, где-то глубоко внутри ей даже хотелось сделать это, хотелось, чтобы всё оказалось правдой: обманутая, используемая, брошенная, — справедливая участь для неё: другого она и не заслуживала.

Но…

Но уверенная, нет, маниакальная позиция, с которой на всё смотрел Станислав Гауф, под корень разрушила попытки Мишель Лири сделать из себя «заслуженную жертву происходящего».

Глава 230. К истокам (часть 6)

«Но… если напарничек прав, — думала Мишель Лири, — то, выходит, — всё это один большой спектакль?»

Тогда какая роль в этом «спектакле» может быть или была отведена ей?

Это был один из тех немногих вопросов, на которые Станислав Гауф дал однозначный, пусть и

неуверенный ответ:

— Только… Только «твой мальчик» в состоянии ответить на этот вопрос.

«Мой мальчик… — вздохнула Мишель Лири. — Или… это я его "девочка"?»

Думая обо всём этом и не только, Мишель Лири загоняла саму себя в угол, как кошка мышь.

Проблемой было и то, что она не знала за что браться и с чего вообще начать. Впервые за долгое время она и вправду почувствовала себя «девочкой». Маленькой девочкой, не способной принять какое-либо самостоятельное решение. Всё что она смогла сделать, это на долгие дни закрыться в своей квартире в Баторе и погрузиться саму в себя.

С их последней встречи Станислав Гауф ни разу не навестил её. Казалось, для себя он решил, что сделал всё возможное, чтобы помочь девушке; а лезть ещё глубже в её «внутренние» переживания то ли не хотел, то ли посчитал бессмысленным делом. Хотя обстои это дело хоть немного иначе, он, скорее всего, был бы первым, кто обивал порог её квартиры чуть ли не каждый день.

Однако, не в этот раз.

Зато, с другой стороны, был и тот, кто не обделил Мишель Лири своим вниманием. Это был Реган О’Лири, который, пусть поначалу и игнорировал «проблемную» девушку, доставляющую сплошную головную боль, но потом, как более-менее со всем разобрался и обратил внимание на поведение, стал уделять ей больше внимания, хотя правильнее сказать, вернулся к своей «обычной» участливости: выходил на связь и даже несколько раз приходил к ней домой. Причём не с пустыми руками. Правда, как-либо повлиять на апатию девушки он не смог, как, собственно, и заставить притронуться к еде.

Безусловно, даже на фоне «обычного себя» сейчас он был более тактичным и обходительным в общении с племянницей, прекрасно понимая, в чём была причина такой подавленности. Но именно поэтому он и не смог найти подходящие «рычаги» воздействия или тем более достучаться до неё, ведь «настоящую» причину её эмоционально-мысленной проблемы он не знал. Ноги росли из другого места, и ни сама Мишель Лири, ни тем более Станислав Гауф не посчитали нужным посвятить его откуда именно. Да и сам Реган О’Лири был уверен, что всё прекрасно понимает, поэтому не особо хотел ворошить эту тему, к тому же отчасти она была не приятна и ему самому, не говоря уже о том, что ему и без этого хватало забот.

Ещё и решение Станислава Гауфа снять с себя полномочия смутило Реган О’Лири, пусть виду он и не подал. Не то, чтобы он как-то по-особенному относился к парню или интересовался его жизнью, нет, но всё же тот не один год исправно работал в компании с его родственницей, поэтому какая-никакая связь между ними была. Более того, он даже несколько раз гостил у него дома, пусть в основе визита и лежали рабочие моменты.

— Как прискорбно, — только и сказал Реган О’Лири, когда узнал о решении парня; однако, пусть он и не вникал детально в причины такого выбора (озвученных было достаточно), считал это своего рода потерей и даже в один из вечеров пришёл к нему домой, где был радужно принят хозяином и его женой, собственно, как и всегда: то ли чета всегда была готова к приходу гостей, то ли они знали, что рано или поздно Реган О’Лири наведается к ним лично.

Правда, какой бы из вариантов не был правильным, это путешествие в гости к мужу и жене ничего нового Регану О’Лири не принесло: он услышал всё те же причины увольнения, всё те же отказы от его предложений с альтернативными вариантами «трудоустройства» и прочее.

Регану О’Лири только и оставалось, что обсудить некоторые рабочие и личные моменты, причём, возможно, в последний раз, ведь, вероятно, их дороги с бывшим сотрудником госбезопасности пересекутся не скоро.

Из положительного во всей этой встрече Реган О’Лири смог выделить разве что тему о своей племяннице, и стоило отдать должное, пусть Реган О’Лири и высказал открыто своё недовольство поведением парня, который раньше нужного «слил» всю информацию Мишель Лири, чем вынудил её бросить работу и вернуться домой, акцентировать внимание на этом проступке Реган О’Лири не стал. Хотя, вероятно, в другой раз подобное стало бы приемлемой причиной подпортить жизнь Станиславу Гауфу или надавить на него, но комплекс факторов, основные из которых: закрытие вопроса «Ганца Йохансона» и беременность Саены Гауф — подтолкнули Регана О’Лири опустить эти моменты и дать парню право действовать по собственному усмотрению.

Как вывод, Реган О’Лири остался «ни с чем», компенсировав всё своё недовольство погружением в обычную рутину и работу. К последним относились урегулирование вопросов с кланом Бортэ, что получалось не очень хорошо, и личный контроль за расследованием последних крупных дел и происшествий, участником которых он был и сам.

Мишель же Лири не хотела вникать в проблемы своего дяди и бóльшую часть времени игнорировала их, как и его самого, пока тот наконец-то не отстал от неё:

«Иной раз, — решил Реган О’Лири, — время лучший доктор», — и в чём-то был прав, как минимум его собственные попытки помочь девушке не увенчались успехом.

Вероятно, если кто и мог «помочь» Мишель Лири в её трудном деле, так это только один единственный человек — человек являющийся виновником всех событий и её головной боли — Караак. По крайней мере, она была уверена в этом, пусть и сама не знала, хочет ли услышать что-то конкретное, да и — хочет ли вообще что-то услышать. Вопрос: «А жив ли он вообще?» — она старалась обходить стороной, пусть иной раз сделать этого не получалось, как бы она не старалась.

Однако, как это часто бывает в реальной жизни, вариантов может оказаться куда больше одного — ответы могут прийти оттуда, откуда их не ждёшь. А принести эти ответы могут ещё и бóльшие вопросы.

Глава 231. К истокам (часть 7)

— Кто здесь?!

В одну из тихих ночей Мишель Лири продрала свои глаза и тут же перешла в «боевую готовность», пусть и не встала с кровати, а только приподняла свой торс; причём она умудрилась пробудиться, погрузившись до этого в чрезмерно чёрный и глубокий сон, вызванный сильным изнеможением после долгих дней самобичевания и голодовки.

Мишель Лири быстро пришла «в сознание», осмотрелась и изучила своё окружение, — резко посмотрела в сторону, где, облокотившись о стену, стояла «тень». Тень, на деле, даже не скрывала своего присутствия и, возможно, сама же и заставила девушку проснуться и обратить на себя внимание.

Мишель Лири была настроена серьёзно и решительно, однако не действовала, лишь молча наблюдала. Даже когда тень двинулась в её сторону, она лишь дёрнула рукой, но не атаковала: не чувствовала ни агрессии, ни угроз, хотя в другой раз даже без них она бы уже подорвалась и снесла половину своей квартиры, если не всю.

Тень подошла и молча села на краю кровати, как так и нужно, но взгляд был устремлён не на девушку, а в стену, оставляя открытым всю спину перед ней.

Странная атмосфера молчания и непонимания, повисшая в воздухе, продлилась, казалось, вечность.

— Пусть, — наконец-то заговорила тень, — ты никогда и не знала моего имени, но забыть мой голос ты точно не могла, — казалось, говоривший улыбнулся, затем добавил: — К слову, меня зовут Хэй, пусть это имя такое же «фальшивое», как и твоё собственное, Мишель. Так что обвинять меня во лжи не нужно, и, — он засмеялся, повернулся и протянул руку, — приятно снова познакомиться, №14.

Как и сказал Хэй, Мишель Лири практически сразу узнала его голос и практически сразу пришла в лёгкое оцепенение. Все его слова звучали так близко и одновременно так далеко, будто всё её пробуждение чуть ранее было одним сплошным сном.

— Не спи, — ласково сказал Хэй, не отводя протянутой руки, — выкроить момент и попасть к тебе было непросто, учитывая, как тебя стерегут люди «дяди».

Мишель Лири запнулась, но собралась с силами и протянула свою руку в ответ.

— Капи… — сказала было девушка, но Хэй быстро её оборвал:

— Хэй, просто Хэй. Я давно не принадлежу каким-либо войскам или чему-то подобному. Формальности бессмысленны.

— Х… Хэй… — неловко выговорила Мишель Лири, также неловко, как это делает ребёнок, когда взрослый «настаивает» обращаться к нему по имени; хотя для девушки эта ситуация таковой фактически и являлась, учитывая, что она воспринимала своего бывшего капитана как «старшего»: их отношения застыли где-то там, далеко во времени, где она была меленькой девочкой, а он — опытным наставником.

— Громче! — резко повторил Хэй и сильно рассмеялся, когда сама того не понимая, девушка, как безвольная кукла, машинально выкрикнула:

— Хэй!

— Так-то лучше, как говорится, рефлексы не пропьёшь, — кивнул он.

Девушка снова погрузилась в лёгкое оцепенение, но быстро вышла из него, и, не вставая с кровати, села рядом с Хэем. Она уставилась на него, как собака на прыгающий мяч. Но его это ни капли не напрягало, скорее, даже веселило.

— Я была уверена, что вы погибли.

— Как видишь, живее всех живых, — ответил Хэй.

— Вижу. Но остальные…

— Я знаю, из нашего маленького «отряда» в конечном итоге больше никого не осталось. Ещё был полковник Джуго, но он умер через несколько лет от полученных травм или просто потерял «волю» к жизни, — подробностей я не знаю.

— Он не мог её потерять!

— Потому и сказал, что подробностей я не знаю, — пожал плечами Хэй, ни соглашаясь, ни споря с девушкой.

— Ясно, — только и сказала та, ненадолго опустив голову.

Вероятно, мысли Мишель Лири сейчас резко устремились туда, в далёкое прошлое, — не самое ужасное, не самое хорошее, — но всплывающее сегодня одновременно с тёплой ностальгией и

холодной грустью. Хотя, если говорить в целом и общем, то к сегодняшнему дню эти воспоминания превратились из тяжёлого груза в лёгкую отдушину. Безусловно, в её жизни было и множество других воспоминаний, как до тех событий, так и после, однако, нравилось это кому-то или нет, но многое, что её сегодня характеризовало как «личность», было впитано именно в тот небольшой промежуток времени.

Вернув взгляд на Хэя, Мишель Лири только и смогла, что молча изучать его образ, не сильно изменившийся за долгие годы, но кажущийся при этом таким далёким и незнакомым. Ещё и темнота окружающей ночи подыгрывала ему.

— Как… Как вам удалось выжить, кап… Хэй? — понимая, что всё больше и больше вопросов хотят вырваться наружу, хотят услышать ответы на свои вопросы, — хотят чуть ли не поглотить сидящего рядом человека целиком! — Мишель Лири стала задавать их, пусть и сдерживала себя, стараясь не вывалить всё скопом; более того, она выбрала не просто один из множества вопросов, крутящихся в её голове, — она выбрала, как посчитала сама, самый «безобидный» из них, который не сможет форсировать их с Хэем разговор и раньше нужного перейти к делам насущным.

Однако… В силу закона подлости попытка «не спешить», лишь сильнее форсировала события:

— Я выжил также, как и ты, — ответил Хэй особо не задумываясь и продолжил: — В тот день нам помог, точнее — спас один и тот же человек, и, волею случая или чего-то ещё, но ты уже знаешь его лично; и, в каком-то смысле, события прошлого тесно связаны с событиями сегодняшнего, в том числе и с моим приходом.

Увидев на лице Мишель Лири непонимание, быстро трансформирующееся в недоумение, Хэй играючи добавил, наслаждаясь её неведением:

— И да, это был не твой «дядя», как ты только что подумала.

Это фраза с одной стороны запутала девушку ещё сильнее, а с другой — открыла глаза. Однако, казалось, Мишель Лири пыталась всеми силами закрыть их обратно — убежать от этого одновременно сомнительного и очевидного ответа:

— Тогда… — не зная, что сказать и будто осознанно целясь в обратную сторону от мишени, Мишель Лири неуверенно предположила: — Полковник Джуго?

— Вряд ли, — тут же сказал Хэй и наигранно задумался. — Он в тот момент ломал свои кости о нескольких Мировых в другом месте. Даже если он и хотел помочь, он физически не мог этого сделать.

— Тогда… — оборвавшись на слове, вздохнула Мишель Лири, а чуть погодя, найдя другие возможные «зацепки», она с неуверенностью добавила: — Дядя всегда говорил, что я… эм… сама со всем справилась, может ли быть?.. Но… Я ничего не помню о тех событиях: часть

воспоминаний одномоментно обрывается…

— А, это?.. Это интересное умозаключение, — Хэй сдержался, чтобы не засмеяться, пусть и не с самой девушки, и продолжил: — Но нет, оно в корне ошибочно. Хотя стоит признать, благодаря этим «домыслам», тебе повезло очень неплохо устроиться в жизни и даже стать приёмным родственником не абы кого, — сказал Хэй и всё же тихо хихикнул, дав выпуск эмоциям.

— …Что вы имеете в виду, ка… Хэй? — спросила Мишель Лири, не понимая, поняла ли она смысл сказанного или нет.

— Дайка подумать. Знаешь, мне время от времени говорили, что каждый видит то, что хочет увидеть. Здесь сработал тот же принцип: твой «дядя», помешанный на силе и разных «сказках», решил, что нашёл то, что хотел найти. Так бывает, — сказал Хэй, заставив Мишель Лири вздохнуть; она быстро соображала и, видимо, находила для себя новые ответы на старые вопросы.

Глава 232. К истокам (часть 8)

— Значит, мне всё-таки помогли… — наконец-то сказала Мишель Лири.

— Как и сказал ранее. Мне нет смысла лгать. Если же говорить про домыслы твоего «дяди», то в них нет ничего удивительного, учитывая, что ты далеко не самый обычный Звер и у тебя мощная магическая сила. Так что это нормально, что в тот день после небольшого расследования он интерпретировал произошедшие события так, как интерпретировал… Что-что, а хорошо подчищать за собой следы «твой спаситель» умел уже тогда, — заключил Хэй.

— Что? Стоп… Кто?..

На риторический вопрос Мишель Лири Хэй протяжно вздохнул: её упрямые попытки игнорировать «очевидное» были по-детски смешными. На мгновение он даже подумал, что такая реакция «отрицания» сильно преувеличена, однако быстро вспомнил, что это он сам слишком долго «смотрел на сварку» и теперь ходил с обожжёнными глазами.

— Я говорю о человеке. Том самом человеке, который не выходит у тебя из головы, — Мишель Лири дёрнулась, её застали врасплох: она была голой, невинной и со связанными руками — бессильной перед этим чувством «стыда». — Но… Если ты не хочешь называть его имя или не веришь мне, можешь пока этого не делать.

Прошло время, прежде чем Мишель Лири тихо спросила:

— Почему вы… появились только сейчас? Не похоже, что вы только сегодня узнали, где меня найти, — не зная, как правильно реагировать в подобном состоянии, которое без шуток было для Мишель Лири в новинку, она скакала от темы к теме.

— О, — тут же подхватил Хэй, — не просто не «сегодня», а, можно сказать, с самого начала знал, куда ты попала и где находишься.

— Тогда почему?!

— Почему не пришёл? Ты ошибаешься, если думаешь, что я не пришёл. Говоря искренне, — Хэй нежно посмотрел на Мишель Лири. — Можно сказать, что всё это время я только и делал, что шёл к тебе. Единственная причина, почему я вообще оказался здесь, в Баторе, — это ты. Не смотри так, — он улыбнулся. — Ты должна понимать: я одномоментно потерял всё и всех, и пусть ни тогда, ни сейчас нас нельзя было назвать близкими людьми или родственниками, но ты стала моим ориентиром, который дал мне силы куда-то идти и что-то делать. Практически все знакомые умерли, полковник — списан, а возвращаться в армию, видя шанс избавиться от этих оков, я не стал. Можно сказать, дезертировал. Хотя… Вероятно, именно туда бы я и вернулся, погибни в тот день и ты. Стал бы безвольным исполнителем высшего командования, погрузившись в круговорот войны и мести, пока бы меня и самого не списали, как полковника Джуго.

— Тогда… почему? — снова повторила Мишель Лири тише прежнего.

— Оглядываясь назад, могу лишь сказать: приходить раньше — просто не было смысла. Как я и сказал, тебе повезло очень неплохо устроиться в жизни. Нарушать это спокойствие без причин было бы неправильно. Да и… Не подумай, но наблюдать время от времени за растущей тобой со стороны было по-своему умиротворяюще.

— Но ведь… Я уже давно не ребёнок, к тому же…

— Я знаю. Ты давно выросла. Но и ты должна понимать, если хочешь услышать однозначный ответ на свой вопрос, — всегда есть вопросы, на которые человек не может дать однозначный ответ, как бы его не просили: возможно, причин не приходить у меня не было, а может их было так много, что не сосчитать, — в целом, сейчас это не имеет значения. Да и… Если тебе так будет проще — я не самый законопослушный гражданин. Уверен, ты и сама это поняла, как только увидела меня сегодня здесь в добром здравии. Чем-чем, а мозгами №14 обделена не была, — он нежно улыбнулся, после чего взял руку девушки в свои, та не сопротивлялась. — Но… — казалось, он стал серьёзнее. — Как видишь, даже несмотря на всё это, мне пришлось прийти к тебе. Раскрыть все карты. Ведь… Мне больно смотреть, как ты страдаешь. Как не можешь взять себя в руки. Отказываешься от еды. Потому что я желаю тебе только добра. Ты близкий мне человек, пусть и, наверное, странно это слышать от кого-то, появившегося в таких условиях и столько лет спустя. Но… Это правда: в этой жизни существует не так много людей, которые по-настоящему мне дороги, и ты — одна из них. Как и… Как и дорог человек, ставший

причиной твоей подавленности… пусть и сделал он это не со злым умыслом или явной корыстью, а, скорее… из-за «глубоких травм», отпечатанных жестокостью этого мира в недрах его сознания. Эта жестокость, в лице множества других людей, не раз была направленна исключительно на него, превратив в загнанного зверя, который постоянно скрывается, убегает и сносит на своём пути всё, что только можно и не можно, не считаясь при этом с разрушениями и жертвами, которые так или иначе являются следствием его действий, — Хэй опустил голову, пряча взгляд, и продолжил: — Есть вещи, которые «ломают» даже самых сильных, а если не ломают, то делают их в тех или иных вопросах «превратными». Как бы я не старался, но сам я ничего изменить не могу. Хотя… — он задумался. — С другой стороны, зная множество других примеров, зная как устроены вещи в этом мире, да и… зная самого себя… иной раз задумываюсь, а нужно ли вообще что-то менять? Тем более в другом человеке? Ведь… Сам я оказался даже хуже — в своё время мне не потребовалось много усилий, чтобы полностью сломаться и увязнуть с головой в болоте.

К этому моменту опущенный взгляд Хэя был довольно мрачным: он не жаловался, не изливал «душу» или что-то в этом роде, он просто констатировал факты человеку, который, казалось, был всегда рядом, но который при этом был невероятно далеко. В этом смысле они с Мишель Лири испытывали некое родство, кроме того, пусть и с нюансами, но вся их жизнь имела множество общих черт и пересечений. Возможно, Хэй не хотел или даже боялся лишится этой незримой опоры в лице Мишель Лири. Но… Он был предан анафеме: казалось, его обвели вокруг пальца, а новый груз осознанно или нет возложенный им на свои собственные плечи (Хаён) — держал и не отпускал!

— Поэтому, — продолжил Хэй, — сейчас я чётко понимаю: пройти через всё, через что прошёл он, и при этом выстоять, не сломаться и отделаться всего лишь «превратностью», — это нельзя назвать полным поражением, хотя и плата за подобную стойкость, бесспорно, велика.

Стало тихо.

— Капитан? — когда молчание затянулось, Мишель Лири потребовала продолжить, даже не обратив внимание на «имя».

Глава 233. К истокам (часть 9)

— Мишель… — ответил Хэй. — Как я и сказал, — он поднял голову и посмотрел девушке в глаза, а его голос стал строже, — я желаю тебе только добра, но… есть множество вещей, где однозначного варианта ответа, который приведёт к «правильному» развитию событий, — не существует. Лишь время даст ответ, насколько верным окажется то или иное решение; насколько полученный результат будет в конце концов соответствовать тому, чего от него ждёт человек. Но всё же… Зависеть этот результат будет и от выбора, который он сделает «здесь и сейчас». Это относится и к тебе. Поверишь ты мне или нет, но, Мишель… от твоего выбора

будет зависеть многое, и это «многое» может коснуться не только тебя. И… если раньше я всегда был рядом, то сейчас… Скоро я покину Батор, нет, Монголию. Последнее, что я могу сделать, это помочь тебе расставить точки над «i», и, даже если ничего не изменится, по крайней мере будущий результат будет зависеть от твоего осознанного выбора, а не от слепых блужданий в темноте. Однако… Ты должна понимать, что с появлением этого осознанного выбора на твои плечи ляжет и куда бóльшая ответственность, в первую очередь перед самой собой. Ведь вещи, которые до этого не зависели от твоего выбора, теперь будут прямо зависеть от него. Поэтому, брать на себя это бремя или нет, решать только тебе, №14.

Мишель Лири встретила вопросительный взгляд Хэя и задумалась. Нет, пусть этот разговор и дал ей множество кусочков для решения всего «ребуса», но отказываться она не собиралась. Правильнее было сказать, что она задумалась не над выбором ответа для Хэя, а над тем, какие трудности будут её ждать после.

— Хорошо, — вскоре кивнула она.

— Спасибо… — искренне сказал Хэй. — Вероятно, это то немногое, что я могу сделать. Да и на что-то бóльшее я в принципе не способен.

Хэй закрыл глаза, задумавшись о чём-то своём, а Мишель Лири к этому моменту уже сама вцепилась второй рукой в его руку, будто боялась, что эта «галлюцинация» может в любой момент раствориться в воздухе.

— На самом деле, №14, — подняв голову, начал Хэй, — как я и сказал, я жалкий человек, потому что в своё время был по-настоящему сломан и опущен. Было время, когда я не смог пересилить ни себя, ни давящий на меня мир. Отчасти, возможно, это было и из-за тебя, нет, не буквально: когда я понял, что с тобой всё хорошо и моё вмешательство не нужно, я попытался пойти дальше, найти себя, но… Так ничего и не нашёл. Не смог нормально влиться в общество. Не смог подняться из того дна, с которого начал, попав в эту страну. Я был никем: не мог подтвердить ни кто я, ни откуда. Лишь прятался в тени, выполняя «грязную» работу, которая в конечном итоге свелась к обычному разбою. Я осквернил те немногие навыки, которые мне вбили в армии, которые мне передал полковник Джуго и которые я усовершенствовал, наблюдая за вами и другими курсантами. Люди, которые меня окружали, и дороги, по которым я шёл, — всё тянуло меня ещё глубже на дно, в ту его часть, выхода из которой уже никогда не будет; и момент, когда я одной ногой был уже в ней, наступил очень быстро. Пока «он»… — Хэй запнулся и вопрошающе посмотрел на Мишель Лири, чем снова застиг её врасплох, но не так сильно, как в первый раз; собравшись с мыслями она тихо сказала:

— Караак…

Хэй кивнул и продолжил:

— Да, пока он не пришёл и не вытащил меня из того дна. Это было как будто вчера, хотя времени прошло немало. Знаешь, что он мне тогда сказал? — спросил Хэй, посмотрев

ностальгическим взглядом на Мишель Лири; та вернула вопрос, он продолжил:

— «Никогда бы не поверил, что человек, догнавший и даже отбивший пару моих атак, превратится в такую нелицеприятную массу, кричащую всем своим видом: "Убейте меня!" — Если бы я знал, во что ты превратишься, дал бы тебе умереть ещё тогда».

Хэй вздохнул — Мишель Лири дрогнула: иголки пробежали по всей её груди.

— Эти слова я могу слышать только его голосом, — сказал Хэй.

— Да… — согласилась Мишель Лири. — Серьёзный, издевающийся, но не высокомерный…

— Он был характерен для него столько, сколько я его знаю.

— Сколько?

— Около 20 лет, по-моему. Хотя… чуть меньше. Впрочем, неважно. Важно то, что он дважды без преувеличения спас мне жизнь, а если учитывать и твою… то трижды. Не мне судить его методы и поступки, но… — Хэй сделал паузу. — Мишель, могу уверить, что за всё то время, что я его знаю, он никогда не переходил грань без веской на то причины, держал и переваривал всё в себе. Всё произошедшее, к чему он прямо или косвенно приложил свою руку, всегда преследовало определённый цели, пусть сам он всё не раз списывал на «непредвиденные обстоятельства»; но уверен, если его слова не полная ложь, то как минимум частичная: он либо исправно выполнял работу, либо импульсивно выполнял поставленные перед собой задачи, скрывая или недоговаривая информацию, ведомую только ему; а «непредвиденные обстоятельства»… даже если они и были, лишь корректировали его маршрут, а не конечную цель.

Хэй говорил — Мишель Лири слушала.

— Конечная цель, — продолжил Хэй. — Она всегда оставалась неизменной, какими бы не были «непредвиденные обстоятельства». Всё что я могу сказать: его цели — не зло ради зла, а вполне реальные и достижимые задачи, которые не противоречат ничьим моральным взглядам, пусть и преследуют иной раз личную выгоду. Что же насчёт его методов — ты и сама уже знаешь о них. Не знаю точно, что же всё-таки произошло между ним и Ганцом Йохансоном, но школа, как один из примеров, пала не без его непосредственного участия, и пусть он в целом и переводит стрелки на директора, но своей вины ни разу не отрицал, как и осознания того, виновником какой трагедии стал.

— Вот как… — на удивление или нет, жестокую реальность Мишель Лири приняла довольно спокойно, вероятно, после россказней своего напарника, она обдумывала и такой возможный «поворот событий».

«Напарничек…» — вздохнула Мишель Лири и сказала:

— Мой напарник уверен, что всё плюс-минус так и было. Теперь… Даже я удивлена его проницательности. Видимо, он перенял от меня только самое лучшее, — улыбнулась девушка, но в этой улыбки не было и толики радости. — Что мне… Что мне теперь делать?.. — только и сказала она, прежде чем заплакать.

Глава 234. К истокам (часть 10)

Хэй хорошо понимал чувства Мишель Лири, даже несмотря на свою отрешённость и профессиональную деформацию. Как говорится, у всех есть свои «слабые места» и сидящая рядом девушка, без сомнений, была его. Но именно поэтому он и пришёл к ней сегодня лично — знал, насколько ей плохо и планировал если не помочь и направить, то хотя бы открыть глаза и заставить идти дальше.

— Это трудный вопрос, №14. Как я и сказал, никогда не знаешь, к чему в конечном итоге приведёт тот или иной выбор. Сейчас, пусть и без множества нюансов, но ты практически полностью знаешь, как обстоит ситуация и кто являются её действующими лицами. Поэтому… Ты можешь оставить всё как есть: он «убил» себя не для того, чтобы сегодня-завтра высунуть голову на всеобщее обозрение. До этого он и так её практически никогда не высовывал. Пройдут года, а может и десятилетия прежде, чем он снова это сделает. Хотя… Всегда есть исключения, и он может высунуть её куда раньше, но только в том случае, если его прижмут или вынудят. А прижать или вынудить — это ещё один вариант, который есть в твоём распоряжении. Уже сегодня ты можешь рассказать всё «дяде» или сама собрать целую «армию» и устроить охоту на ведьм.

— Охоту…

— Да, её самую, только… — Хэй вздохнул. — Я и сам не знаю, чем эта охота может закончиться; не говоря уже о том, начнётся ли она вообще, если он решит игнорировать происходящее и ещё сильнее уйдёт в тень, обрубив те немногое концы, которые всё ещё остались. А «рубить концы», как ты уже знаешь, он умеет феноменально, и если сделает это, то… никто и ничто не сможет достать его в этом мире, пока он сам не захочет выйти. С другой стороны, — продолжил размышлять Хэй, — если рассматривать альтернативу, в которой подобную агрессию с вашей стороны он интерпретирует как вызов и без колебаний примет его, то ответные меры, которые он выставит, могут быть как шуточными, так и совсем нешуточными. Последнего не хотелось бы даже мне.

— Он пойдёт на это, даже если с другой стороны буду я? — спросила Мишель Лири и сама же посчитала свой вопрос до безобразия наивным, однако не спросить она не смогла, да и Хэй воспринял его серьёзно:

— Скорее всего, и, возможно, посчитает твои действия «предательством»…

— Но ведь!.. — возмутилась Мишель Лири.

— Я понимаю, — быстро парировал Хэй, — ты и сама считаешь себя преданной и используемой, однако… — Хэй пожал плечами. — Здесь наши с тобой взгляды отличаются: пусть и очень грубо и некрасиво, но он полностью оградил тебя от своих проблем. Хотя и сам считаю, что этим сделал только хуже и всё можно было решить по-другому, но… скажу честно, если бы на твоём месте был кто-то другой, я бы, наверное, только восхитился такой непоколебимостью и уверенностью в принятии решения и отказа от собственных чувств, пусть большинству людей и покажется подобное мелочью, но когда чувства по-настоящему сильны… могу сказать только одно — выбирая вариант, который он выбрал, он причинил сильную боль не только тебе… Да, он по-своему бесчувственный; да, он оградил себя толстой стеной от внешнего мира и людей, но… Его чувства к тебе неподдельны, и сколько бы Караак не играл на публику, есть вещи которые не может скрыть даже он.

— Тогда почему?!

— Почему что? Почему «отказался» от тебя? Не попросил твоей помощи? Не спросил совета? Если ты думаешь, что смогла бы хоть как-то помочь в той ситуации со своим пониманием происходящего, то… ты сильно себя переоцениваешь, прости. Твоё вмешательство только сильнее всё усложнило бы, а, возможно, — Хэй вздохнул, — принесло бы только больше проблем и… боли.

Мишель Лири сузила свои красные, как обжигающее солнце, глаза и выдавила:

— О чём вы говорите?

— Неважно, — ответил и снова вздохнул Хэй. — Это касается только тебя, Караака и твоего «дяди». В этом вопросе я не помощник. С этим ты должна разобраться сама, только…

— Что только? — переспросила Мишель Лири.

— Только… — снова запнулся Хэй. — В общем… Думаю, ты должна понимать, что смерть Ганца Йохансона не была ни бессмысленной, ни какой-либо ещё. Я имею в виду, что если ты всё же выберешь второй вариант и объединишься с «дядей», чтобы устроить охоту на ведьм, а ведьма в свою очередь ответит на ваши действия, то… Если раньше у Регана О’Лири и могло быть преимущество, то сейчас… Могу с уверенностью сказать, что Караак уже более-менее знает, как себя с ним вести. Педантичность в вопросах «безопасности», можно сказать, — его конёк. Поэтому, выбери ты этот путь, учитывай, что преимущество всё равно не на вашей стороне, пусть хоть вся свита Регана О’Лири будет с вами… Фух… Даже страшно представить, во что всё это может вылиться….

К этому моменту взгляд Мишель Лири стал пронзительным, пусть и жёсткости или агрессии в

нём не было.

— Кажется, Хэй, — негромко сказала Мишель Лири, — вы боитесь, что я выберу именно этот вариант, и пытаетесь либо прямо запугать меня, либо повлиять на моё решение.

— Запугать? Повлиять? Возможно. Но боюсь ли? Вряд ли, — он посмотрел на Мишель Лири и рассмеялся, — к этому моменту я уже покину Монголию.

— Ммм, формально — я должна вас арестовать, — подмигнула Мишель Лири и продолжила: — Да и… Сбегаете, поджав хвост? Звучит как-то не круто.

— На роль «крутого» я не претендую. Ты знаешь не хуже моего — сейчас это не наш с тобой уровень. Но нам нужно стараться и стремиться достичь его, иначе — сдует только так.

— Вот не надо, — слабо улыбнулась Мишель Лири. — Не сравнивайте меня с собой. Я уже давно превзошла вас, и я не такая трусиха.

— Не сомневаюсь, и всё же, если твоё желание «поймать и арестовать», и я говорю сейчас не о себе, одержит верх, то… обдумай всё ещё раз… потом ещё раз… и… ещё.

— Хорошо, — кивнула Мишель Лири.

Ненадолго повисла пауза. Двое сидели спокойно и расслабленно, пока Хэй не продолжил говорить:

— Есть и третий вариант, по крайней мере из тех, которые могу озвучить я: не полное игнорирование, не охота на ведьм, но и «золотой серединой» его не назовёшь.

Глава 235. К истокам (часть 11)

— Не назовёшь «золотой серединой»? — переспросила Мишель Лири.

— Да, — кивнул Хэй. — Хотя, скорее, зависит от того, с какой точки зрения посмотреть. Правильнее сказать, это похоже на компромисс. Смысл в том, что тебе так или иначе придётся как чем-то пожертвовать, так и что-то получить взамен, однако, факт остаётся фактом — тебе придётся смириться, нет, забыть и никогда не вспоминать обо всём, что уже произошло до сегодняшнего дня, более того, стать частью той легенды, которую он создал заплатив как

«собой», так и чужими жизнями, — одним словом, тебе и самой придётся стать частью его «тёмной» составляющей; а значит — тебя уже нельзя будет назвать ни честным человеком, ни законопослушным гражданином, ни ответственным сотрудником, — фактически ты станешь оборотнем, — казалось, Хэй выдавливал из себя слова, пусть его голос и был спокойным и уверенным. — №14, ты должна понимать, что он, что я сам, — мы не хорошие люди, мы — убийцы, и пусть это и близко не сравнимо с тем дном, в котором я когда-то оказался, но это не отменяет того факта, что время от времени нам нужно марать руки. Всё, чему я когда-то обучался, стало квинтэссенций моей сегодняшней жизни и, как ты можешь видеть, я ни капли не сожалею и не пожалею в будущем. Но… В то же время я буду каждый день сожалеть о том, что рассказал тебе сегодня всё это. Что заставил окунуться во всю эту грязь… Более того, не просто заставил, но и одним из вариантов предложил стать её частью, — Хэй опустил голову, как провинившийся ребёнок, Мишель Лири даже почувствовала, как размякли его руки, но её взгляд ни капли не изменился, он был таким же спокойным, с лёгкой грустью и задумчивостью.

— Как я и сказала, я давно уже не ребёнок, да и — вы сильно переоцениваете меня и мою «чистоту», не говоря уже о том, что мы выходцы из одного и того же места, причём не самого сказочного. Значит, — задумалась она, — говорите, убийцы… Выходит, это он подмял под себя теневой мир Батора, воспользовавшись всей той суетой с кланами? Жёстко, я удивлена, если честно.

— Фактически не только Батора, но да — всё верно. Хотя говорить об этом дальше бессмысленно: на эти вопросы сможет ответить только он.

— Но…

— Я не боюсь говорить или что-то в этом роде, просто отвечать на это всё уже не в моей компетенции, да и времени у нас с тобой столько нет. Могу лишь сказать, что, когда он меня подобрал, вся наша «организация» состояла всего из двух людей — него самого и подобранного меня. До этого он всё делал вообще сам. И можешь поверить на слово, делая своё дело, людей пачками он никогда не косил и косить не будет, тем более сейчас… Да и без этого хватает другой работы. Не говоря уже о том, что… практически все заказчики — либо «уважаемые» кланы, либо «уважаемые» чиновники, либо уважаемые ещё кто-то там самого разного пошиба, а пока они есть — будем востребованы и такие, как мы. Как я и сказал, это и близко не та дыра, в которой мне «посчастливилось» побывать.

— И всё же, — Мишель Лири негромко вздохнула, — он и вправду вам очень дорог, учитывая… в каком свете вы всё преподносите.

— Возможно, но… не дороже тебя.

— Спасибо?

— Как хочешь, — сжав несколько раз крепкими «объятиями» руки Мишель Лири, Хэй отпустил их и встал; после чего сказал: — Перед отбытием я планировал закрыть все оставшиеся

вопросы. Можно сказать, что теперь я закончил с последним. Дальше решай сама, что делать и какой вариант действий выбирать. Вероятно, самым оптимальным было бы — вернись ты к своим обязанностям за границей как ни в чём не бывало, но… это уже твой выбор, твоя жизнь и… твоя ответственность.

Мишель Лири ничего не сказала — Хэй продолжил:

— Мне давно не было так спокойно, как сегодня с тобой, правда, уже светает — мне пора. Однако, — Хэй посмотрел на Мишель, — если хочешь меня остановить, то… можешь приступать. Но я буду отбиваться, пусть и не смогу тебе ничего сделать, даже если захочу.

Мишель Лири не пошевелилась, она просто смотрела на Хэя, изучая его образ, который с появлением первых лучей солнца стал более отчётливым и «реальным».

Видя такую реакцию и будто не удовлетворившись ею, Хэй продолжил:

— Это я напал на полицейский участок и убил того полицейского.

Хэй говорил о Джеймсе Харрингтоне. Мишель Лири сразу поняла о ком идёт речь. Думая о чём-то своём, вскоре она вернула взгляд и сказала:

— Рано или поздно — это был вопрос времени, когда он перейдёт дорогу не тем людям. Однако, пусть он и не был самым плохим человеком, нет ничего удивительного в том, что не успела пройти неделя, как все забыли о его смерти. Всем всё равно, и виноват в этом он сам и его образ жизни.

— Мне казалось, всем не всё равно, — улыбнулся Хэй, прекрасно понимая о чём говорит Мишель Лири.

— Не «всё равно» разве что в контексте дела в целом, а так… Пусть прозвучит и грубо, но отчасти вы сделали ему только одолжение, убив смертью «мученика». Но даже этого не хватило, чтобы его имя оказалось дальше нескольких заголовков жёлтой прессы или упоминаний в проходных роликах.

— Смотрю, у тебя с ним были особые отношения. Или, — Хэю показалось, что он достиг какого-то просветления, — быть может…

— Вряд ли, — только и сказала Мишель Лири.

— Ясно.

Хэй в последний раз бросил на девушку ласковый взгляд, прежде чем развернуться и без

лишних слов уйти. Ушёл он так же, как и пришёл сюда ранее.

— Прощайте и спасибо, — только и услышал он вдогонку слова девушки, оставившие тёплый след в сознании.

Вскоре Хэй полностью «исчез».

Ему оставалось гадать, какая именно роль во всём этом была отведена ему самому, если, конечно, была отведена: его домыслы могли оказаться обычными надуманными вещами. Но в одном он был уверен полностью: столь опытный человек, ставший за свою жизнь единым целым с одиночеством и осторожностью, не мог импульсивно отдаться тому, кто не смог бы понять его чувств или бросить в момент кризиса.

Однако, вскоре Хэй постарался выкинуть всё лишнее из головы. Сейчас его интересовало только одно — место назначения и ожидающая в этом месте Хаён. Как он и сказал Мишель Лири, всё, что будет после, — его уже не касается: он покинет Монголию и направится своей дорогой. Хотя фраза «своей дорогой» была притянута за уши. Его вела Хаён, которая решила найти выживших членов своего клана с целью возродить его. И пусть Хэй понимал, кто дёргал саму Хаён за ниточки, причём настолько, что составил для неё список из возможных имён и возможного местоположения, его это нисколечко не смущало и не злило, скорее даже от этого осознания ему было только спокойнее.

http://tl.rulate.ru/book/25164/3551002